

К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЫДАЮЩЕГОСЯ РУССКОГО ПОЭТА
ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА
(ИГОРЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ЛОТАРЕВА, 1887 — 1941)

СТИХОТВОРЕНИЯ

ХАБАНЕРА II

Синьоре За

Вонзите штопор в упругость пробки,—
И взоры женщин не будут робки!..
Да, взоры женщин не будут робки,
И к знойной страсти завьются тропки.
Плесните в чаши янтарь муската
И созерцайте цвета заката...
Раскрсыте мысли в цвета заката
И ждите, ждите любви раската!..

Ловите женщин, теряйте мысли...
Счет поцелуям - пойдя, исчисли!..
А к поцелуям финал причисли,—
И будет счастье в удобном смысле!..

* * *

Я хочу умереть молодой...
Мирра Лохвицкая

И она умерла молодой,
Как хотела всегда умереть!..
Там, где ива грустит над водой,
Там покоится ныне и впредь.
Как бывало, дыханьем согреть
Не удастся ей сумрак густой,
Молодою ждала умереть,
И она умерла молодой.

От проезжих дорог в стороне
Есть кладбище, на нем — островок,
И в гробу, как в дубовой броне,
Спит царица без слез, без тревог,

Игорь Северянин

Спит и видит сквозь землю — насквозь,—
Кто-то светлый склонился с мечтой
Над могилой и шепчет: «Сбылось,—
И она умерла молодой».

Этот, грезой молящийся,— кто?
Он певал ли с почившей дуэт?
Сколько весен душой прожито?
Он поэт! Он поэт! Он поэт!
Лишь поэту она дорога,
Лишь поэту сияет звездой!
Мирра в старости зрела врага —
И она умерла молодой.

РУССКАЯ

Кружевет, розовеет утром лес,
Паучок по паутинке вверх полез.
Бриллиантится веселая роса.
Что за воздух! Что за свет! Что за краса!
Хорошо гулять утрами по овсу,
Видеть птичку, лягушонка и осу,
Слушать сонного горлана-петуха,
Обменяться с дальним эхом: «Ха-ха-ха!»
Ах, люблю бесцельно утром покричать,
Ах, люблю в березках девку повстречать,
Повстречать и, опираясь на плетень,
Гнать с лица ее предутреннюю тень,
Пробудить ее невыспавшийся сон,
Ей поведать, как в мечтах я вознесен,
Обхватить ее трепещущую грудь,
Растолкать ее для жизни как-нибудь!

ЭТО БЫЛО У МОРЯ

Поэма-миньонет

Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж...
Королева играла — в башне замка — Шопена,
И, внимая Шопену, полюбил ее паж.

Было все очень просто, было все очень мило:
Королева просила перерезать гранат,
И дала половину, и пажа истомила,
И пажа полюбила, вся в мотивах сонат.

А потом отдавалась, отдавалась грозово,
До восхода рабыней проспала госпожа...
Это было у моря, где волна бирюзовая,
Где ажурная пена и соната пажа.

ИЮЛЬСКИЙ ПОЛДЕНЬ

Синематограф

Элегантная коляска, в электрическом биении,
Эластично шелестела по шоссе к песку;
В ней две девственные дамы, в быстро-темном упоении,
В Ало-встречном устремлении — это пчелки к лепестку.

А кругом бежали сосны, идеалы равноправия,
Плыло небо, пело солнце, кувырчался ветерок;
И под шинами мотора пыль дымилась, прыгал гравий,
Совпадала с ветром птичка на дороге без дорог...

У ограды монастырской столбенел зловеще инок,
Слыша в хрупоте коляски звуки «нравственных пропаж»...
И с испугом отряхаясь от разбуженных песчинок,
Проклинал безвредным взором шаловливый экипаж.

Хохот, свежий точно море, хохот, жаркий точно кратер,
Лился лавой из коляски, остывая в выси сфер,
Шелестел молниеносно под колесами фарватер,
И пьянел вином восторга поощряемый шоффер...

МОИ ПОХОРОНЫ

Меня положат в гроб фарфоровый
На ткань снежинок яблоневых,
И похоронят (...как Суворова...)
Меня, новейшего из новых.

Не повезут поэта лошади,—
Век даст мотор для катафалка.
На гроб букеты вы положите:
Мимоза, лилия, фиалка.

Под искры музыки оркестровой,
Под вздох изнеженной малины —
Она, кого я так приветствовал,
Протрелит полонез Филины.

Всем будет весело и солнечно,
Осветит лица милосердьи...
И светозарно-ореолочно
Согреет всех мое бессмертье!

КЕНЗЕЛЬ

В шумном платье муаровом, в шумном платье муаровом
По аллее олуниной Вы проходите морево...
Ваше платье изысканно, Ваша тальма лазорева,

А дорожка песочная от листвы разузорена —
Точно лапы паучие, точно мех ягуаровый.

Для утонченной женщины ночь всегда новобрачная...
Упоенье любовное Вам судьбой предназначено...
В шумном платье муаровом, в шумном платье муаровом —
Вы такая эстетная, Вы такая изящная...
Но кого же в любовники! и найдется ли пара Вам?

Ножки пледом закутайте дорогим, ягуаровым,
И, садясь комфортабельно в ландолете бензиновом,
Жизнь доверьте Вы мальчику в макинтоше резиновом,
И закройте глаза ему Вашим платьем жасминовым —
Шумным платьем муаровым, шумным платьем муаровым!..

МОРОЖЕНОЕ ИЗ СИРЕНИ!

Мороженое из сирени! Мороженое из сирени!
Полпорции десять копеек, четыре копейки буше.
Сударышни, судари, надо ль? Не дорого можно без прений...
Поешь деликатного, площадь: придется товар по душе!

Я сливочного не имею, фисташковое все распродал...
Ах, граждане, да неужели вы требуете крем-брюле?
Пора популяризировать изыски, утончиться вкусам народа,
На улицу специи кухонь, гимнив эксцесс в вирелэ!

Сирень — сладострастия эмблема. В лилово-изнеженном крене
Зальдись, водопадное сердце, в душистый и сладкий пушок...
Мороженое из сирени! Мороженое из сирени!
Эй, мальчик со сбитнем, попробуй! Ей-Богу, похвалишь, дружок!

ЭПИЛОГ

(Я, гений Игорь Северянин...)

Я, гений Игорь Северянин,
Своей победой упоен:
Я повсеградно оэкрашен!
Я повсесердно утвержден!

От Баязета к Порт-Артуру
Черту упорную провел.
Я покорию литературу!
Взорлил, гремящий, на престол!

Я — год назад — сказал: «Я буду!»
Год отсверкал, и вот — я есть!
Среди друзей я зрил Иуду,
Но не его отверг, а — мечь.

«Я одинок в своей задаче!» —
Прозрительно я провозгласил.
Они пришли ко мне, кто зрячи,
И, дав восторг, не дали сил.

Нас стало четверо, но сила
Моя, единая, росла.
Она поддержки не просила
И не мужала от числа.

Она росла в своем единстве,
Самодержавна и горда,—
И, в чаровом самоубийстве,
Шатнулась в мой шатер орда...

От снегоскалого гипноза
Бежали двое в тлен болот;
У каждого в плече заноза,—
Зане болезнен беглых взлет.

Я их приветил: я умею
Приветить все,— божи, Привет!
Лети, голубка, смело к змию!
Змея, обвей орла в ответ!

Я выполнил свою задачу,
Литературу покорив.
Бросаю сильным наудачу
Завоевателя порыв.

Но, даровав толпе холопов
Значенье собственного «я»,
От пыли отряхаю обувь,
И вновь в простор — стезя моя.

Схожу насмешливо с престола
И, ныне светлый пилигрим,
Иду в застенчивые доли,
Презрев ошеломленный Рим.

Я изнемог от лъстивой свиты,
И по природе я взалкал.
Мечты с цветами перевиты,
Росой накоплен мой бокал.

Мой мозг прояснили дурманы,
Душа влечется в примитив.
Я вижу росные туманы!
Я слышу липовый мотив!

Не ученик и не учитель,
Великих друг, ничтожных брат,
Иду туда, где вдохновитель
Моих исканий — говор хат.

До долгой встречи! В беззаконце
Веротерпимость хороша.
В ненастный день взойдет, как солнце,
Моя вселенская душа!

УВЕРТЮРА (Ананасы в шампанском!..)

Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Удивительно вкусно, искристо и остро!
Весь я в чем-то норвежском! Весь я в чем-то испанском!
Вдохновляюсь порывно! И берусь за перо!

Стрекот аэропланов! Беги автомобилей!
Ветропросвист экспрессов! Крылолет буеров!
Кто-то здесь зацелован! Там кого-то побили!
Ананасы в шампанском — это пульс вечеров!

В группе девушек нервных, в остром обществе дамском
Я трагедию жизни претворю в грезофарс...
Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Из Москвы — в Нагасаки! Из Нью-Йорка — на Марс!

ДВУСМЫСЛЕННАЯ СЛАВА

Моя двусмысленная слава
Двусмысленна не потому,
Что я превознесен неправо,—
Не по таланту своему,—

А потому, что явный вызов
Условностям — в моих стихах
И ряд изысканных сюрпризов
В капризничаящих словах.

Во мне выискивали пошлость,
Из виду упустив одно:
Ведь кто живописует площадь,
Тот пишет кистью площадной.

Бранили за смешенье стилей,
Хотя в смешенье-то и стиль!
Чем, чем меня не угостили!
Каких мне не дали «pastilles»!

Неразрешимые дилеммы
Я разрешал, презрев молву.
Мои двусмысленные темы —
Двусмысленны по существу.

Пуškai критический каноник
Меня не тянет в свой закон, —
Ведь я лирический ироник:
Ирония — вот мой канон.

ПОЭЗА О СТАРЫХ РАЗМЕРАХ

О вы, размеры старые,
Захватанные многими,
Банальные, дешевые,
Готовьте клише!
Звучащие гитарою,
И с рифмами убогими —
Прекраснее, чем новые,
Простой моей душе.
Вы были при Державине,
Вы были при Некрасове,
Вы были при Никитине,
Вы были при Толстом!
О вы — подобны лавине!
И как вас ни выбрасывай,
Что новое ни вытяни —
Вы проситесь в мой том.
Приветствую вас, верные,
Испытанно-надежные,
Округло-музыкальные,
Любимые мои!
О вы — друзья примерные,
Вы милые, вы нежные,
Веселые, печальные,
Размеры-соловьи!

ПОЭЗА ПРАВИТЕЛЬСТВУ

Правительство, когда не чтит поэта
Великого, не чтит себя само
И на себя накладывает вето
К признанию и срамное клеймо.

Правительство, зовущее в строй армий
Художника, под пушку и ружье,
Напоминает повесть о жандарме,
Предавшем палачу дитя свое.

Правительство, лишившее субсидий
Писателя, попавшего в нужду,
Себя являет в непристойном виде
И вызывает в нем к себе вражду.

Правительство, грозящее цензурой
Мыслителю, должно позорно пасть.
Так, отчеканив яркий ямб цезурой,
Я хлестко отчеканиваю власть.

А общество, смотрящее спокойно
На притеснение гениев своих,
Вандального правительства достойно,
И не мечтать ему о днях иных..

ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Я Гумилеву отдавал визит,
Когда он жил с Ахматовою в Царском,
В большом прохладном тихом доме барском,
Хранившем свой патриархальный быт.

Не знал поэт, что смерть уже грозит
Не где-нибудь в лесу Мадагаскарском,
Не в душающем песке Сахарском,
А в Петербурге, где он был убит.

И долго он, душою конквистадор,
Мне говорил, о чем сказать отрада.
Ахматова стояла у стола,

Томима постоянно печалью,
Окутана невидимой вуалью
Ветшающего Царского Села...

МОЯ РОССИЯ

*И вязнут спицы расписные
В расхлябанные колеи...*

Ал. Блок

Моя безбожная Россия,
Священная моя страна!
Ее равнины снеговые,
Ее цыгане кочевые,—
Ах, им ли радость не дана?
Ее порывы огневые,
Ее мечты передовые,
Ее писатели живые,
Постигшие ее до дна!

Ее разбойники святые,
Ее полеты голубые
И наше солнце и луна!
И эти земли неземные,
И эти бунты удалые,
И вся их, вся их глубина!
И соловьи ее ночные,
И ночи пламно-ледяные,
И браги древние хмельные,
И кубки, полные вина!
И тройки бешено-степные,
И эти спицы расписные,
И эти сбруи золотые,
И крыльчатые пристяжные,
Их шей лебяжья крутизна!
И наши бабы избяные,
И сарафаны их цветные,
И голоса девиц грудные,
Такие русские, родные,
И молодые, как весна,
И разливные, как волна,
И песни, песни разрывные,
Какими наша грудь полна,
И вся она, и вся она —
Моя ползучая Россия,
Крылатая моя страна!

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

Он жил в Утопии. Меж тем в Москве
И в целом мире, склонные к причуде,
Забыв об этом, ждали, что все люди
Должны пребыть в таком же волшебстве.

И силились, с сумбуром в голове,
Под грохоты убийственных орудий,
К нему взнести умы свои и груди,
Бескрылые в толстовской синеве...

Солдат, священник, вождь, рабочий, пьяный
Скитались перед Ясною Поляной,
Измученные в блуде и во зле.

К ним выходило старческое тело,
Утешить и помочь им всем хотело
И — не могло: дух не был на земле...

ПУШКИН

Есть имена как солнце! Имена —
Как музыка! Как яблоня в расцвете!

Я говорю о Пушкине: поэте,
Действительном в любые времена!
Но понимает ли моя страна —
Все эти старцы, юноши и дети, —
Как затруднительно сказать в сонете
О том, кем вся душа моя полна?

Его хвалить! — пугаюсь повторений...
Могу ли запах передать сирени?
Могу ль рукою облачко поймать?

Убив его, кому все наши вздохи,
Дантес убил мысль русскую эпохи,
И это следовало бы понять...

ДОСТОЕВСКИЙ

Его улыбка — где он взял ее? —
Согрела всех мучительно-влюбленных,
Униженных, больных и оскорбленных,
Кошмарное земное бытие.

Угармонированное свое
В падучей сердце — радость обреченных,
Истерзанных и духом иступленных —
В целебное он превратил питье.

Все мукой опрокинутые лица,
Все руки, принужденные сложиться
В крест на груди, все чтущие закон,

Единый для живущих, — Состраданье,
Все, чрез кого познали оправданье,
И человек — почти обожествлен.

ФЕТ

Эпоха робкого дыханья... Где
Твое очарованье? Где твой шепот?
Практичность производит в легких опыт,
Чтоб вздох стал наглым, современным-де...

И вот взамен дыханья — храп везде.
Взамен стихов — косноязычный лопот.
Всех соловьев практичная Европа
Дожаривает на сковороде...

Теперь — природы праздный соглядатай —
О чем бы написал под жуткой датой
Росистым, перламутровым стихом?

В век, деловой красою безобразный,
Он был бы не у дел, помещик праздный,
Свиставший тунеядным соловьем...

ФОФАНОВ

Большой талант дала ему судьба,
В нем совместив поэта и пророка.
Но властью виноградного порока
Царь превращен в безвольного раба.

Подслушала убогая изба
Немало тем, увянувших до срока.
Он обезврежен был по воле рока,
Его направившего в погреба.

Когда весною — в божьи именины,—
Вдыхая запахи оверной тины,
Опустошенный, влекся в Приорат,

Он, суеверно в сумерки влюбленный,
Вином и вдохновеньем распаленный,
Вливал в стихи свой скорбный виноград.

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

Он тем хорош, что он совсем не то,
Что думает о нем толпа пустая,
Стихов принципиально не читая,
Раз нет в них ананасов и авто.

Фокстрот, кинематограф и лото —
Вот, вот куда людская мчится стая!
А между тем душа его простая,
Как день весны. Но это знает кто?

Благословляя мир, проклятье войнам
Он шлет в стихе, признания достойном,
Слегка скорбя, подчас слегка шутя

Над всею первенствующей планетой...
Он — в каждой песне им от сердца спетой,
Иронизирующее дитя.

В ДЕРЕВУШКЕ У МОРЯ

В деревушке у моря, где фокстрота не танцуют,
Где политику гонят из домов своих метлой,
Где целуют не часто, но зато когда целуют,
В поцелуях бывают всей нетронутой душой;

В деревушке у моря, где избушка небольшая
Столько чувства вмещает, где — прекрасному сродни —
В город с тайной опаской и презреньем наезжая
По делам неотложным, проклинаяшь эти дни;

В деревушке у моря, где на выписку журнала
Отдают сбереженья грамотные рыбаки
И которая гневно кабаки свои изгнала,
Потому что с природой не соседят кабаки;

В деревушке у моря, утопающей весною
В незабвенной сирени, аромат чей несравним, —
Вот в такой деревушке, над отвесной крутизною,
Я живу, радый морю, гордый выбором своим!

БЫВАЮТ ДНИ

Бывают дни: я ненавижу
Свою отчизну — мать свою.
Бывают дни: ее нет ближе,
Всем существом ее пою.

Все, все в ней противоречиво,
Двулико, двоедушно в ней,
И дева, верящая в диво
Надземное, — всего земней.

Как снег-миндаль. Миндальны зимы.
Гармошка — и колокола.
Дни дымчаты. Прозрачны дымы.
И вороны, — и сокола.

Слом Иверской часовни. Китеж.
И ругань-мать, и ласка-мать...
А вы-то тщитесь, вы хотите
Ширококрайнюю объять!

Я — русский сам, и что я знаю?
Я падаю. Я в небо рвусь.
Я сам себя не понимаю,
А сам я — вылитая Русь!

СТАРЕЮЩИЙ ПОЭТ

Стареющий поэт... Два слова — два понятия.
Есть в первом от зимы. Второе — все весна.
И если иногда нерадостны объятья,
Весна — всегда весна, как ни была б грустна.

Стареющий поэт... О, скорбь сопоставленья!
Как жить, как чувствовать и, наконец, как петь,
Когда душа больна избытком вдохновенья
И строфы, как плоды, еще готовы спеть?

Стареющий поэт... Увлажнены ресницы,
Смушение в голосе и притушенный вздох.
Все чаще женщина невстреченная снится,
И в каждой встреченной мерещится подвох...

Стареющий поэт... Наивный, нежный, кроткий
И вечно юный, независимо от лет.
Не ближе ли он всех стареющей кокотке,
Любовь возведший в культ стареющий поэт?

